

Про что. Зачем. Как

Вместо предисловия

Когда зрители ругают телевидение, они и правы, и неправы одновременно. Телевизор обладает мощным и опасным действием. Он похож на удава, приманивающего кроликов. Но это странный удав: он и гипнотизирует кроликов, и сам загипнотизирован ими. Куда устремляются зрители, туда нацелен и сигнал телевизора; куда направляет свое излучение экран, туда подтягиваются и они. И кто здесь первый, кто второй — неясно. Как непонятно, что было сначала, курица или яйцо.

Оглянемся, вспомним: какая программа стала самой важной для раннего российского (оно же позднесоветское) ТВ? Разумеется, «Взгляд». Взглядовцев подгнабливали сверху, выпуски сдвигали дальше, дальше, дальше в ночь, а все равно их смотрели, смотрели, смотрели. В Москве и в деревне. Во Владивостоке и в Нальчике. Никаких рейтингов тогда не было (рейтинги стали замерять впервые на сериале «Санта-Барбара»). Но нет сомнений: охват аудитории стремился к 100 процентам.

Вопрос: почему? Потому ли, что ведущие были сверхпрофессиональны? И репортажи были образцовые? И глубина проникновения в предмет зашкали-

вала за все мыслимые и немыслимые пределы? Нет. Ведущие имелись и поопытней (Владимир Молчанов, ранний Познер). Репортажи Александра Политковского были хороши, но куда им до насмешливых и нежных телерассказов Александры Ливанской (помнит ли теперешняя аудитория все эти имена?) Главное, что давал «Взгляд» — не картинка, не монтаж, не стиль. А предельная искренность — и всеобщий охват ситуации. Растерянные люди массово искали ответ на главный вопрос: *что с нами происходит?* Кто мы, откуда уходим, куда движемся? Программа вместе со страной лихорадочно перебирала возможные ответы. Привлекая политику, культуру, экономику, историю — в качестве материала. Как повод для общенационального самоопределения.

Не было ни одной жизненной сферы, ни одного среза реальности, которому не могло найтись места во «Взгляде». И не было ни одной сферы, ни одного среза реальности, на котором *взгляд* остановится раз и навсегда. Скользящий взгляд, разбегающийся взгляд, взгляд с высоты птичьего полета. Взгляд и нечто. Где под «нечто» понимается «все».

Потом программу запретили, она ушла в подполье; во время августовского путча 1991 года ее делали на кухне у ведущих и распространяли на видеокассетах. После победы августовской революции «Взгляд» вернулся на волне свободы — и оказался никому не нужен. Ветер истории, раздувавший взглядовские паруса, переменился; паруса обвисли; цензуры больше не было, но не было и прежнего интереса. «Взгляд» выходил в эфир, искал себе новое применение, предъ-

являл ведущих уровня Бодрова-младшего — ничего не помогало. *До* — это был смысловой фокус эпохи. *После* — стал один из многочисленных форматов.

А какие программы 1990-х оказались в центре общего внимания, стали символами наступившей телевизионной эры? Не нужно долго гадать: «Итоги» с Киселевым и «Зеркало» со Сванидзе. Что здесь было в центре внимания? Политика. То есть разговор шел не о том, чем живет российское общество в целом. А о том, чем подпитаны снedaющие его политические страсти. Не столько о гражданах в целом, сколько о политиках в частности. Не о том, *что с нами происходит*, а о том, *что они с нами делают*. И это не был личный выбор ведущих; это был выбор времени. Из общественной сферы историческая энергия переместилась в сферу политическую; от того, кто одолеет в схватке, кто разыграет мощную интригу, кто прорвется к рычагам власти, зависело, куда мы движемся дальше. Как обустроится наша жизнь. Что с нами будет. Напряжение было не меньшее, чем на излете 1980-х. Но — иной природы. И масштаба. Не взгляд и нечто, а умственный разбор полетов. Если спорт, то лишь в связи с политикой. Если культура, то лишь потому, что в ней столкнулись политические интересы. Поменялась и форма подачи; не кухонное ток-шоу, а телевизионный журнал. Со всеми его плюсами: лучше подготовленный, профессионально срежиссированный. И со всеми его минусами: заведомо суженный, сконцентрированный на одном-единственном предмете. Только такой путь вел тогда в центр телевизионного мира.

Что было дальше? Мы помним слишком хорошо. Самоисчерпались 1990-е; в 1999-м выборы были выиграны телевидением. Причем не телевидением интеллекта, а телевидением хохмы, телевидением авторского шоу имени Сергея Доренко, который ярко издевался над политикой, действовал методом таблоида и комикса, и в конце концов получил то, что нужно было Борису Березовскому: обреченная на победу партия Лужкова-Примакова проиграла, обреченное на поражение «Единство» — победило. И если бы не Путин, пришедший к власти на информационных штыках и первым делом отобравший штыки у прежних хозяев, чтобы никто и никогда не повторил его успех, — время политических тележурналов вышло бы уже тогда, в 1999-м. Но ситуация борьбы за медийное управление миром продлила очарование политических журналов, пролонгировала их существование; в обесточенную среду подали ток с дежурных генераторов, борьба за свободу слова насытила смыслом устаревающий формат, подействовала на него, как ботокс на стареющую кожу.

Но вот борьба окончилась — финалом, наилучшим из всех возможных. Программа «Итоги» переползла с канала НТВ на канал «ТВ-6». После чего, в одиночестве, потеряла массового зрителя. Все, вроде, было как прежде. Оппозиционность. Независимость от власти (при зависимости от олигархов). Сосредоточенность на политических проблемах. А зритель начал ускользать, аудитория — сужаться. Гипноз утратил магнетическую силу. Случилось то же, что и с программой «Взгляд»; исчезнув на секунду и тут же возобновившись, «Итоги» оказались невостребованными, прежде, чем но-

вые властители дожали ситуацию до желанного итога. А «Зеркало» постепенно было смикшировано до нуля. Николай Сванидзе в личном качестве остался на экране, а его былой формат растворился в непроницаемой темноте отключенного телесигнала.

Что же было дальше? Дальше было «Намедни». Несмотря на то, что на других каналах делали добротные и важные программы, именно обновленное парфеновское зрелище стало центральной программой нового телевизионного времени. Это был журнал — как «Зеркало». Там, среди прочего, жестко говорили про политику, как в «Итогах». Но размышляли не о том, что *с нами происходит*. И не о том, что *они делают с нами*. А о том, что нам сегодня *интересно*. Как Потанин катается в Куршевеле. Как Гергиев дает премьеру в Мариинке. Как бомжуют в старом «Москвиче» немолодые люди. Как фальсифицируются выборы в Чечне. Как собирается клуб молодых самоубийц. Что Путин говорит, пока его снимают для дежурного отчета (сурдопереводчики умеют читать по губам). Глянцевый образ ужасного времени — вот что давал Парфенов молодому зрителю, понимая, что без целлофанирования политика теперь не продается. А общественная тема не продается даже в целлофане.

Его «Намедни» было сделано еще профессиональней, еще совершенней, еще красочней, ярче и дороже, чем были сделаны «Итоги». Разброс тем стал еще шире. Но ракурс — уже. И аудитория — отчетливей. Он не мог себе позволить роскошь (даже если бы хотел) работать *на всех*, как это делали создатели «Взгляда». Или хотя бы на городское меньшинство

среднего и старшего поколений — в отличие от «Зеркала» с «Итогами». Страна уже пошла сословной трещиной, раскололась по возрастам, доходам, устремлениям. И центровую программу имело смысл адресовать не всем, а только *центру*. Молодым, активным и продвинутым, которых не волнует, что из нас получится. Не задевает то, что *важно*. А занимает то, что *интересно*. Остальным предложено смотреть качественные «Вести» и некачественное «Время»¹, частную «Неделю» с Марианной Максимовской или же, напротив, программу Пушкова.

Продвигаясь от «Взгляда» к «Намедни», телевидение наращивало мастерство монтажа и съемки, чувство формата, цвета, звука. И все непоправимее теряло вкус к дискуссии о том, кто мы такие и куда идем. Это все вопросы дилетантские, наивные, в самом точном смысле слова *взгляд и нечто*. Вызывают скепсис, легкое презрение. Профессионал не может по-другому относиться к дилетанту.

Но историческое время спрессовалось; Парфенов выходил в эфир совсем недолго, с 2002-го по 2005-й. И когда, в результате внутрикорпоративного сканда-

¹ Когда я поместил этот отрывок в ЖЖ, кто-то из ехидных читателей заметил: а почему это вы «Вести» называете качественными, а «Время» нет? Видимо, намекая на то, что здесь я привираю по корпоративным соображениям. Отвечаю сразу. С точки зрения профессии, по уровню сюжетов, «Вести» профессиональны. И согласны вы лично со взглядами авторов программы «Время» или нет, но нельзя делать такие топорные сюжеты, какие лепит большинство из них (за исключением корреспондентов, прошедших школу НТВ, и еще двух-трех крепких профессионалов). В развлекательных форматах, напротив, лидирует Первый.

ла был уволен, повторилась прежняя история. Еще вчера его проект был жизненно востребован. А сегодня все живут без этого проекта, как будто бы его и не было. И смотрят нечто иное.

Что?

Снова уклоняясь от оценок, от личных симпатий и антипатий, должны признать: на центровую роль (не значит — лучшую) после выпадения Парфенова из телевизионного ряда стал претендовать Владимир Соловьев, который до сих пор талантливо работал на подхвате. Его «Дуэль», переименованная на НТВ и ставшая теперь — «К барьеру», была всего лишь игровой добавкой к основному блюду. Она оттеняла собою «Намедни» и дополняла «Свободу слова». Это было *фоновое* шоу с очевидным привкусом пародии; оно смягчало, разрыхляло серьезность Шустера и циническим кокетством добавляло пикантности Парфенову. А большего желать и не могло. Но неожиданно выяснилось, что теперь политику способен продавать не глянцевого журнал медийных яппи, а диспут по приколу. Главное условие успеха политической дискуссии — не до конца всерьез. И неважно, про что конкретно говорится. Сегодня про судьбу сиделицы Бахминой. Завтра про гомосексуалистов. Потом про третий срок и Путина. Лишь бы громокое разрешение как бы ни во что.

После этого Соловьев запустил программу «Воскресный вечер», которая была построена как дайджест всех аналитических форматов на современном телевидении. Здесь имелось актуальное интервью на тему недели. Маленькое ток-шоу на четвертых. Полемический

диалог суровых оппонентов. Видеокомментарий ведущего. И даже развлекательный концертик на закуску. Вместе с дайджестом форматов достигался дайджест смыслов; суждения не разворачивались, дискуссии не развивались, любые мысли проворачивались, как стеклышки в калейдоскопе, образуя причудливый и безответственный узор, подсвеченный насмешкой. На любые темы, а не только политические. Как когда-то во «Взгляде», но с иронической ухмылкой, без малейшей веры в то, что это важно. Так... поговорили, разошлись.

Дорожка сузилась до предела; оставался один шаг в заданном направлении, чтобы телевидение, описавшее затяжной круг, вернулось в точку, из которой выходил когда-то «Взгляд». Но вернулось — как бы с изнанки, с теневой стороны. Со стороны клоунады. И это наконец-то случилось — в 2009 году. Первый канал запустил проект «Прожекторперисхилтон». Четыре талантливых хохмача подводят итоги недели, с блеском вышучивая все — от речи президента (желательно американского) до газовых конфликтов с Украиной, от «Евровидения» до футбола. Студия воспроизводит кухню, дизайн язвительно цитирует программу «Взгляд», параллельно с которой, если кто не помнит, и выходил «Прожектор перестройки». Зритель получает полную картину происходящего — с набором правильных оценок, талантливо впрыснутых в шутки. Потому что все здесь не всерьез, и все серьезно; все пародия, и все подчинено задачам пропаганды; все смешалось в телевизионном доме, и всех до конца посчитали.

...Программа «Тем временем», с 2002 года выходящая на канале «Культура», никогда не была цент-

• ТЕМ ВРЕМЕНЕМ •

ровой. Не стремилась и не могла стремиться к этой цели. Она могла решать единственную задачу — предложить аудитории площадку для встречи со смыслами. Начать обсуждение гуманитарных тем, с которыми общество столкнется неизбежно. Желательно заранее; до того как проблема «перезрела». Чего другие, рыночные программы, себе позволить не могут; темы, не вышедшие в топ, не смотрятся, не дают прироста рейтингов. Когда мы в 2003-м сделали программу про ЕГЭ (участвовали Евгений Ясин и учитель Лев Айзерман), отклик был нулевой. Рано. Но когда про ЕГЭ заговорили все, было уже поздно. В том смысле, что уже ничего не переменишь, плетью обуха не перешибешь. Вот и выбирай.

Но в главном недостатке заключается и основное преимущество. Тот, кто несется в первом потоке, сгорает вместе с ним; актуальность, сиюминутная острота дает ни с чем не сравнимый эффект присутствия, и она же, испаряясь, обесмысливает прошлое. Что было, то исчезло, и прощайте. Что будет завтра — не знаем. Имеем дело с тем, что есть — и пока оно есть. Телевидение вообще продукт скоропортящийся. Оно не признает вчерашних успехов, у него короткая девичья память. Энергетический движок: работает, пока не обесточили. Как только обесточили — дух жизни уходит, остается музейный гербарий.

Книга, которую вы держите в руках, это, надеюсь, не высушенные до состояния бумажных листиков выпуски программы «Тем временем». И не дайджест завершенных дискуссий. Но попытка с их помощью — понять, чем жило образованное сословие в

нулевые годы. Какие темы за пределами текущей политики обсуждало, над чем смеялось, на каких коллизиях ломалось и почему забредало в тупик. Кто был в центре интеллектуального внимания. Это не меморий, это разговор по существу — о том, как культурная традиция формирует сознание и как в это сознание упирается любой исторический замысел, любые планы перемен и обновления. Где и в чем возможен компромисс — между традицией и переменами. Где конфликт требует предельного обострения.

Выбирая гостей для программы, мы всегда старались помнить, что в интеллектуальной жизни России на равных участвуют консерваторы и либералы, верующие и неверующие, прогрессисты и реакционеры. Они никогда не переубедят друг друга, но пока они способны между собой разговаривать — шанс на общее движение есть. А телеведущий (по крайней мере, пока он работает в кадре) должен быть немного душечкой; ах, как этот правильно сказал! но ведь и тот хорош... и этот умен... Именно они, участники программ, при всем несовместимом различии их взглядов, и есть те *человеческие лица*, которые мы хотели предъявить миру с помощью ругмя ругаемого *телевизора*. А теперь предъявляем миру — их мысли.

Однако перепечатывать расшифровки телепередач дело решительно бесполезное. Устная речь подчинена своим законам. То, что в кадре восполнено картинкой, насыщено атмосферой, построено жестом, превращаясь в печатный текст, теряет жизненные соки, умирает. Как морской камень, вытасченный из воды: только что притягивал взгляд, а вот, уже и смот-

реть не на что. Кроме того, аннотации всех выпусков программы есть на сайте канала «Культура»; интересные могут загрузить страничку *www.tv-culture.ru*. А в этой книге вы найдете только те цитаты из разговоров, споров и дискуссий, которые можно полноценно воспринять «с листа». Причем фрагменты эти — без искажения смысла — как бы написаны «по мотивам» разговоров в студии. В некоторых случаях оставлены реплики не всех участников той или иной программы, а лишь избранные; не потому что одни говорили лучше, другие хуже, а потому что так будет лучше для чтения. По той же причине некоторые важные разговоры вообще не использованы; они сопротивляются бумаге. Как передать слезное умиление при виде сыновей выдающихся русских писателей — Евгения Пастернака, Никиты Заболоцкого, Алексея Симонова, Никиты Высоцкого, говорящих о том, что они делают для сохранения наследия отцов? Никак. Как донести пламенеющий голос литературного критика Андрея Немзера? Мягкое журчание речи режиссера Павла Лунгина? Яркие монологи Олеси Николаевой, Натальи Ивановой, Эдуарда Боякова? Насмешливые, сложно подсвеченные меняющейся интонацией размышления Марка Захарова? И так далее. А для тех программ, которые выдерживают проекцию из телевизионного объема на книжную плоскость, я попытался найти форму подачи, позволяющую сжать беседы до состояния маленьких пьес для чтения. Прошил их ремарками, обложил со всех сторон своими текстами, приспособил для книжных нужд, в то же время сохранив легкий привкус устной речи. Из пестроты телевизионных диалогов постепенно образует

• АЛЕКСАНДР АРХАНГЕЛЬСКИЙ •

картина умственной жизни России нулевых, цельная в своей мозаике. О свободе. О памяти. О наследии. О вере и культуре. О философии кухни и моды. И многом другом.

Чтобы читатель не заскучал, некоторые разделы «отбиты» друг от друга своего рода *рекламными паузами* — забавными статьями о программе и официальными письмами, которые шлют по начальству доброжелатели. Разумеется, это не значит, что всю дорогу с нами воевали, скорее наоборот; но и такое тоже было.

Теперь благодарности. Я благодарен тем, кто дал мне шанс попробовать себя на телевидении — Олегу Добродееву, Татьяне Пауховой. Тем, кто уже долгие годы плотно работает с нами на канале «Культура» — Екатерине Андрониковой, Наталье Приходько. Коллегам и друзьям, которые делают программу «Тем временем», прежде всего Татьяне Сорокиной и Кате Ливергант, а также Михаилу Чистякову, Олегу Кочубею, Светлане Навитней, Андрею Туринову. И не только им.

Отдельное спасибо тем, кто откликается на выпуски программы в моем Живом Журнале (<http://arkhangelsky.livejournal.com>). Некоторые из этих откликов я процитировал — в «рекламной паузе», посвященной издательской статье Николая Ускова, главного редактора «GQ», о канале «Культура». Любые суждения об этой книге вы также можете высказать на страницах моего ЖЖ — оффтопом.

В остальном — до встречи в эфире, в том или ином формате.